

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Дизайн обложки *К. Гусарева*
Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Крамер, Марина.

К77 Хирургия мести / Марина Крамер. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-116074-6

Пластический хирург Аделина Драгун готовится к очередной операции. Но похоже, пациентка не совсем понимает, что именно произойдет с ее лицом после того, как снимут последние швы. Или — понимает? Известная журналистка Станислава Казакова явно скрывает что-то и от врачей, и от единственной подруги. Даже психолог не в состоянии понять, о чем на самом деле думает эта женщина. А та хочет только одного — восстановить справедливость, чего бы ей это ни стоило...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116074-6

© Крамер М., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

То, что видят глаза, не имеет значения,
то, что видит сердце, — не знает условностей.

АНХЕЛЬ ДЕ КУАТЬЕ. СХИМНИК

— Не знаю, что ты будешь делать, какими методами — мне наплевать. Но хоть землю жри, а найди мне эту девку.

Хозяин кабинета мерил его шагами взад-вперед и то и дело вытирал покрасневшую лысину большим клетчатым платком.

В кабинете было прохладно, даже зябко, кондиционер работал на полную мощность, но явно не летняя погода была причиной повышенной потливости толстяка в сером костюме и белой рубашке.

Полосатый галстук валялся на столе среди бумаг, буквально сорванный с бычьей шеи владельца пару минут назад.

— Ты пойми, если она что-то знает — а она не может не знать, я в этом уверен, — то нам всем скоро придется давать показания в сером доме. И не думай, что тебе удастся увильнуть, нет! Все сядем, все, как один, я тебе обещаю! Я на себя брать лишнего не стану, имей в виду и остальным скажи. Вы заинтересованы в том, чтобы найти эту девку, ровно так же, как и я, так и запомни!

— Сперва успокойтесь. Я не думаю, что она представляет какую-то реальную угрозу, — негромко проговорил сидевший за длинным столом молодой мужчина со светлыми волосами. — Но ради вашего спокойствия я, конечно, постараюсь выяснить все, что ей известно.

— Вот и постарайся! — с угрозой в голосе произнес толстяк, останавливаясь напротив него.

Молодой мужчина поднялся, аккуратно задвинул стул и внушительно сказал:

— Не стоит раньше времени панику поднимать. Только лишнее внимание привлечем, а это никому не нужно. Будем действовать тихо.

— Главное, действуй быстро, стратег, как бы поздно не стало.

Аделина

Оказывается, очень странное это ощущение — не хотеть идти на работу. Мне прежде никогда не доводилось испытывать подобного.

Наверное, все дело в том, что раньше работа была смыслом моей жизни и вообще единственным, что в этой самой жизни у меня было. А теперь у меня появился муж..

Да, и новое слово в лексиконе — муж.

Матвей Мажаров, будущий преподаватель медицинской академии, а в прошлом — отличный хирург-пластик.

Так случилось, что оперировать самостоятельно Матвей больше не может, но это вовсе не помешало ему преподавать хирургию будущим врачам. И вот именно из-за Матвея я теперь порой совершенно не хочу выбираться из постели и ехать в свою клинику, особенно в те дни, когда Матвей там не консультирует.

У меня началась какая-то новая, прежде совершенно неизвестная мне жизнь — жизнь замужней женщины.

Не скажу, что все давалось легко, вовсе нет. Адаптировавшись за столько лет к одиночеству и полной свободе, я с большим трудом привыкала к тому, что теперь не могу решать что-то сама, зато могу рассчитывать на совет и помощь Матвея, но для этого ему нужно говорить о проблеме и прислушиваться к тому, что он говорит.

Эта наука давалась мне с большим трудом, но и Матвею было нелегко — у него тоже был не такой уж большой опыт совместной жизни с кем-то. У меня же его не было вовсе. И мы притирались друг к другу, интуитивно нащупывая правильные ходы.

Даже совета спросить мне было не у кого — мама давно умерла, а единственная подруга Оксана сама теперь в разводе.

Как ни кощунственно звучит, но преодолеть все сложности нам помогла реабилитация Матвея после тяжелого ранения в грудь.

Я возила его на процедуры, все время была рядом и даже дома заставляла делать упражнения до тех пор, пока Матвей не падал без сил.

— А как ты хотел? Ты хирург, тебе руки нужны, выносливость, чтобы у стола стоять по нескольку часов, — уговаривала я, лежа рядом с ним на полу и глядя на то, как вздымается от тяжелого дыхания его грудная клетка.

— Мне кажется, Деля, я уже никогда не встану за операционный стол, — сказал однажды Матвей, закрыв глаза. — Одышка, рука дрожит...

Это меня так испугало, что я долго не могла вымолвить ни слова. Я уже проходила такое в жизни — давно, еще в молодости, и тоже с хирургом после огнестрельного ранения.

Нет, я не позволю Матвею сдаться.

И я не позволила. Мы сделали все, что только было возможно, однако Мажаров сам принял решение не возвращаться к операциям.

— Не могу я постоянно бояться за чужую жизнь, — сказал он мне как-то за ужином. — Ты только представь, какой урон я нанесу репутации твоей клиники, если из-за своего состояния причиню вред пациенту? Перехвачу лицевой нерв, например, и все — жизнь искалечена. Нет, Деля, я на это права не имею.

— Останешься лечащим врачом, — отозвалась я, не в состоянии даже представить, что его не будет в моей клинике.

— Нет, Деля, не останусь, — тихо, но твердо сказал Матвей. — Консультантом, если нужен, буду приезжать, но в штат возьми нового хирурга.

— Матвей...

— Что?

— Но... как же ты? Что ты будешь делать?

— Мне предложили должность на кафедре хирургии.

— И ты молчал? — укоризненно покачала я головой.

— Не молчал, вот говорю. Но прежде... — он поднялся и вышел из кухни, а спустя пару минут вернулся с небольшой красной коробочкой: — Ты согласишься выйти за меня замуж?

Я закрыла руками лицо и тихо заплакала. Это было неожиданно, мы не обсуждали с ним возможность такого шага, мы просто жили вместе, и вдруг Матвей делает мне предложение.

— И как же мне расценивать твои слезы? — убирая мои руки от лица, спросил Матвей, чуть улыбаясь. — Надеюсь, как слезы радости?

— Конечно, — прошептала я, слизывая слезы с губ.

— Тогда подставляй пальчик.

Кольцо было прекрасным — не особенно вычурным, даже строгим, но мне оно показалось самым лучшим украшением из всех возможных.

— Ты даже с размером угадал...

— Ну, я ведь знаю твой размер хирургических перчаток, — рассмеялся новоиспеченный жених. — Ты какую свадьбу хочешь?

— Никакой не хочу, — я обняла его за шею и поцеловала. — Давай просто распишемся и поедем куда-нибудь на недельку? Туда, где нет телефонов, будильников и операционных дней?

— Богатая идея, — одобрил Матвей.

Мы скромно расписались в ЗАГСе, отметили это дело в ресторане с матерью Матвея, моим братом Николаем, Оксаной и старым приятелем Матвея Валентином Мамонтовым, благодаря которому, собственно, вообще когда-то состоялась наша встреча, и на завтра улетели на Сейшельские острова.

Поселились там в небольшом отеле с отдельными бунгало и целую неделю только и делали, что купались, пили местные напитки и предавались любви под ночной шум волн. Более идеальное бракосочетание придумать было сложно.

— Вы, Аделина Эдуардовна, поразительно меняетесь, когда на вас нет белого халата, — шутил Матвей, растянувшись рядом со мной в шезлонге. — Со стороны и не подумаешь, что на самом деле вы — обладательница железного характера, твердой воли и уверенной руки.

— Очень смешно, — я переворачивалась на бок и смотрела в лицо своего мужа, стараясь запомнить каждую черту, каждую мимическую морщинку у глаз.

Мне казалось, что до появления в моей жизни Матвея я вообще ничего не видела, не чувствовала и не понимала.

Я и его-то не сразу подпустила близко, потому что привыкла не доверять мужчинам, не рассчитывать на них и вообще держаться подальше. Но когда увидела его почти бездыханным на пороге своего кабинета, с огнестрельным ранением в грудь, вдруг поняла — если его со мной не будет, то моя жизнь закончится.

Это открытие поразило — мне казалось, что такое чувство, как любовь, я больше никогда не испытаю после пережитого предательства, что мой первый мужчина убил во мне все живое, и изнутри я давно сгорела.

Но, оказывается, Мажарову удалось найти на этом пепелище что-то теплящееся и заставить меня вновь почувствовать что-то. И за это я буду благодарна своему мужу до конца моих дней.

— Не хочется улетать, правда? — спросил Матвей в последний день нашего отпуска. — Так хорошо тут, беззаботно. Нет, я понимаю, конечно, что жизнь без забот тебя не устроит, но я очень рад, что смог тебя уговорить хоть на недельку.

— Ты? Меня? Уговорить? — изумилась я. — Мне казалось, что идея принадлежала мне.

— Да какая, в принципе, разница? Главное, что ты за всю эту неделю ни разу не вынула из чемодана телефон, — захохотал супруг. — Это ж кому рассказать! Интересно, как там без твоего неусыпного контроля в клинике дела-то идут?

— Ой, перестань! Все там нормально. Васильков замещает, у него всегда все по полочкам. Ну, кроме бумаг, конечно.

— Но тебе по-прежнему нужен еще один хирург, дорогая моя, — Матвей снова лег на спину, подставив солнцу грудь с заметным шрамом. — Когда планируешь этим заняться?

— Точно не сегодня. И даже не завтра. У меня отпуск и медовый месяц.

— Ты растешь на глазах, — одобрил он. — Тогда идем плавать, пока у нас на это еще есть время.

Вернувшись домой, я приняла решение еще недельку провести дома — впервые в жизни меня совершенно не тянуло на работу, и я, слегка удивленная новым ощущением, посчитала нужным воспользоваться этим и продлить отпуск.

Матвей только с улыбкой покачал головой, но я видела, что остался доволен этим решением. Он тоже не спешил на новое место работы, но у него было еще около месяца в запасе.

— Чем займемся? — спросил Матвей в первое утро после возвращения.

Я довольно плохо адаптировалась к разнице во времени, а потому планировала провести хотя бы половину дня в постели, но у мужа, похоже, были планы.

Он бодро встал, долго шумел водой в душе, потом готовил завтрак и, когда из кухни потянуло свежим кофе и поджаренным хлебом, вернулся ко мне:

— Хватит валяться, идем завтракать.

— Что-то тебя женитьба испортила, — пробормотала я, накрываясь с головой простыней. — Ты стал подозрительно активен по утрам.

— Вставай-вставай, — Матвей решительно сдернул простыню и крепко ухватил меня за лодыжку: — Деля, ну в самом деле, остывает же.

— Ты планируешь всю неделю практиковать такое? — поинтересовалась я, садясь и пытаясь натянуть

шелковый халат. — Потому что если это так, я завтра же на работу выйду, там спокойнее.

Матвей захохотал и вдруг подхватил меня на руки, чем изрядно испугал — не надо бы ему пока таких нагрузок.

Я непроизвольно положила руку ему на область сердца, и Матвей, поняв, в чем дело, покачал головой:

— Ну прекрати. Ничего со мной не случится, я уже давно здоров.

Я уткнулась лбом ему в плечо и пробормотала:

— Я не хочу тебя потерять.

— С ума сошла! Куда я денусь? И хватит тут панихиду разводить, идем все-таки завтракать.

Но тихий семейный завтрак был омрачен телефонным звонком на мой мобильный. Это оказался доктор Васильков, который замещал меня в клинике.

— Я, Аделина Эдуардовна, крайне раздосадован необходимостью тревожить вас, — витиевато начал он, и я насторожилась:

— Что-то случилось?

— Ничего серьезного. Но вы срочно нужны.

Я не стала выяснять причину, сбросила звонок и пошла одеваться.

Анастасия

Люблю я старый советский кинематограф. Современный не люблю, а вот тот, что был в моем детстве, просто обожаю.